

АНТОН А. ГОЛИЦЫН

Птица

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57088170

Птица : роман / А. А. Голицын: Медиарост; Рыбинск; 2015

ISBN 978-5-906070-39-5

Аннотация

Уроженец маленького провинциального городка, а ныне житель столицы, возвращается в родной город, чтобы встретиться со старым другом, рок-музыкантом. Однако попадает на его похороны. Поняв, что расследовать убийство никто не собирается, он решает заняться этим сам. Впрочем, главная цель – не просто поиск убийцы, а попытка понять своего друга, обрести некую логику его жизни и смерти. Книга посвящена памяти Вовы Чибиса, лидера ярославской рок-группы «Лейся, песня».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	35
Глава 4	56
Глава 5	65
Глава 6	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

АНТОН ГОЛИЦЫН

Птица

© Голицын А. А., 2015

© Оригинал-макет: издательство «МЕДИАРОСТ», 2015

Глава 1

Прошлое начинает говорить с тобой, когда настоящее молчит. Оно умеет маскироваться под настоящее. Порой кажется, что у его героев есть плоть и кровь, с ними можно спорить, их можно обидеть и даже убить. Но ты всегда будешь спорить с тенями, и ваши реальности никогда не совпадут.

* * *

Я пропустил свой поворот. Солнце светило в глаза, и надпись «Тачанск» на синей табличке со стрелкой влево потерялась в череде подъемов, спусков и изгибов. Неужели так бывает, неужели это можно забыть? Дорогу, по которой десять с лишним лет назад ты уехал из маленького городка на холме. Я так отчетливо помнил этот холм, изъеденный морщинами оврагов, покрытый бородавками церковей и щетиной хрущевок. Помнил, как смотрел на него из окна автобуса, уезжая в Москву. Как верил, что никогда не вернусь сюда. Тогда мне казалось, что я ненавижу Тачанск.

Ошибку я понял только через пару километров. Эти места не узнать было невозможно. Начинался подъем, и здесь, в бесконечном еловом ряду, через просеку просвечивал чистый фрагмент неба, взрезанный белыми спиралями чаек.

Казалось, что сейчас с вершины холма откроется вид на море с медлительной яхтой под крутым берегом, что какое-то волшебство перенесло вас из средней полосы России на благословенные земли Греции. Впрочем, подумать такое мог только законченный романтик, да и то лишь на секунду.

На излете подъема, где еловый натиск ослабевал, открывался вид на районную свалку, расположенную в бывшем песчаном карьере. Битву за нее колония речных птиц выиграла у ворон еще во времена моего детства. Проезжая мимо полигона, тачанцы обычно отводили глаза. Так стараются не заметить таракана, бегущего по стене в квартире старого друга.

Теперь я не был жителем Тачанска, а потому спокойно свернул на обочину, опустил стекло и закурил. Свалка была частью моей прошлой жизни. Волшебными садами Семи-рамыды. Чудесной чередой миров. Бесконечной матрешкой, где каждая новая фигура не похожа на предыдущую.

* * *

В первый раз на полигон я с парой друзей попал в поисках пробок. Тогда умами тачанских пацанов завладела игра, казавшаяся верхом уличной удали. В пробки играли в каждом дворе и на каждом тротуаре. Появились свои короли, вызывавшие всеобщее восхищение умением сбить своей пробкой пробку соперника из любых положений. Мы часами тре-

нировали удары внешней стороной стопы, прыжки на снаряд соперника, хитроумные подкаты и математически просчитанные отступления. Это были уличные шахматы, дворовый бильярд для бедных. Пробок существовало бесчисленное множество. Стандартные «пятнашки» от одеколона, изящные, но неудобные в игре «коронки» от женских духов; дорогие позолоченные «глобусы» от них же – краса коллекций и убойная сила в единоборствах: удар «глобусом» получался самым точным и сильным. Пробки складывали в прозрачные полиэтиленовые пакеты, чтобы хвастать перед друзьями.

Я был средним игроком, вся моя коллекция помещалась в прозрачной банке из-под манной крупы. Всё, что можно было свинтить с флаконов родителей, было свинчено. Пробки стремительно росли в цене, и тогда я организовал первую экспедицию на полигон. По полям напрямую до него было километров пять. Загнув продленку, мы с Виталиком и Толиком Пухлым отправились открывать свою Америку и вернуться богатые, как конкистадоры. Родовались мы недолго – в летних сумерках на окраине города нас встречала милиция с отцом Пухлого. Папа Толика конфисковал найденное, а затем и заработанное ранее в честных поединках.

Потом были визиты за стальной проволокой для изготовления особо прочных пуль для рогаток. В городе шли ожесточенные рогаточные войны. Изогнутые буквой U металлические пульки свистели на всех перекрестках. На свалке мы

собирали макулатуру и металлолом для соревнования пионерских дружин. На излете перестройки пустые бутылки с полигона стали источником средств на покупку первых и незабываемых пузырей «Пшеничной». С маржой в виде стакана соседу дяде Васе. Вечно похмельный с утра, гоняющий по вечерам с топором жену, днем он выдавал нам пропуск в мир подростковых алкогольных наслаждений, приобретая водку в гастрономе на улице Солнечной.

* * *

На краю свалки, у леса, курился дымок от костра, возле которого копошились маленькие скособоченные фигурки. Рядом прямо из гор отходов поднимались то ли сараи, то ли шалаши. Раньше тут такого не было. Приглядевшись, я заметил, что горбатые карлики медленно рыщут по всему карьере, временами поднимая в воздух недовольно орущих чаек. Возможно, кто-то из моих одноклассников и дворовых приятелей так и остался на этой свалке. Навсегда. Я тоже мог быть сейчас там. Тачанский бомж. Вряд ли можно упасть ниже. Да, сейчас я смотрю сверху, из окна японского кроссовера, с обочины хорошей федеральной трассы. Но скоро ровный асфальт кончится. Я уловил сигнал. Тачанск предупредал меня – это Россия. Здесь не место глупой ностальгии.

Я нажал кнопку, и тонированное стекло бесшумно отрезало так пошло исковерканный мир детства. Нога на педаль

газа, и машина понесла меня к повороту на Тачанск. Теперь я, кажется, вспомнил всё. Вспомнил, почему уехал отсюда. То, что давно загнал куда-то в третье или четвертое дно воспоминаний. Что давно стало просто фактом биографии, давно было обезболено инъекциями драк за путь наверх.

* * *

Я пошел в школу в неполных шесть лет, умея читать и писать. Раннее любопытство к словам и числам спасло меня потом: школу я закончил в шестнадцать. Большинство одноклассников загремело в армию в начале первой чеченской. У меня был в запасе год с лишним. Вузов в Тачанске не было, а от настойчивых просьб матери поехать поступать в областной центр я отмахивался. В то время город захлестнула первая волна рок-н-ролла, и мой друг Виталик Птицын собрал свою команду. Я тоже пробовал играть, но Птица забраковал мои способности, о чем я жалел недолго. Роль друга и собу-тыльника местной звезды мне нравилась больше.

А потом в город стали приходиться первые цинковые гробы. Однажды в отпуск вернулся Пухлый. Мы пили всю ночь, курили привезенную им из Чечни траву, а наутро он достал откуда-то черный Макаров и начал палить в потолок, крича «ненавижу духов».

Через неделю я был в областном центре – Н-ске. Начи-налось лето, но я успел подать документы в какой-то инсти-

тут. На первом экзамене выяснилось, что алкогольное психонство последних лет не пошло на пользу природным способностям. Дома мама всё чаще устраивала истерики и говорила, что я пойду вслед за отцом. Отец пропал в девяносто третьем. Я так и не понял, зачем он поехал к брату в Москву в конце сентября. Мать считала, что он погиб от случайной пули во время штурма Останкино. Раньше, напившись, он часто орал, что ненавидит предателя коммунизма Эльцина. Но дядя потом рассказывал, что, скорее всего, его ограбили и убили где-то в Южном Бутово, когда ночью папа пошел за паленой водкой к станции метро. Материнские поиски по московским моргам результатов не дали. В те дни там было слишком много трупов.

Мать тогда успела снять с книжки все сбережения и купила мне липовую справку о язве желудка, дающую отсрочку от армии на год. Я же обещал поступить в институт следующим летом. Но и через год экзамен был провален. Надвигался осенний призыв, и мать настояла, чтобы я уехал к дяде в Москву.

Тачанская жизнь тащилась как эскалатор: медленно и всё время вниз. Московская унесла меня со скоростью поезда метро. Я работал дворником в депо, шабашил грузчиком на рынке, торговал телевизорами в здании научной лаборатории, откуда еле унес ноги, когда хозяин исчез, забыв рассчитаться за последнюю партию. А как-то раз познакомился с парнем, который предложил мне продавать газеты в приго-

родных поездах. Илюха, так звали моего компаньона, как и я, раньше был неформалом. Мы выбрали ветку Москва – Петушки, считая, что тень Венички станет нашим ангелом-хранителем. Сначала так оно и было. Илюха завязался с новой газетой «Пригородный экспресс», которая быстро набрала популярность. В тот год кризис в стране приблизил ее ко дну, дачи для многих стали чуть ли не единственным источником еды, а «Пригородный» миксовал самые дикие советы огородникам со скандальными историями светской и политической жизни. В отличие от конкурентов, я всегда прочитывал свежий номер и сам придумывал кричалки для вагонов. Часто в электричке была давка, и тогда приходилось продираться сквозь потную толпу, разбрасывая ботинками сумки и корзины под ногами:

– Самогон из конского навоза против колорадского жука – миф или реальность!?

– Ельцин на первомайской демонстрации переоделся Зюгановым и избил Жириновского! Самые свежие анекдоты из Кремля!

– Джордж Буш поливает кабачки собственной мочой – секреты урожая от дядюшки Сэма!

– Александр Малинин ненавидит малиновое варенье, но знает, как солить огурцы! Рецензия на последний альбом!

Однажды на перроне ко мне подошел маленький лысый мужичок с пузом, выпирающим, как у беременной женщины, в пиджаке, но без галстука. Мне показалось, что пиджак

вот-вот порвется, шар вырвется из живота и поскачет по платформе, подпрыгивая и пугая дачников.

– Хорошо продаете. Аж самому купить захотелось, – в руке у пузана не было ни газеты, ни сумки, куда можно было ее спрятать.

– Жрать захочешь, так черта лысого продашь. Только вот ты что-то не купил.

– А я уже читал эту газету.

– Зачем врете. Это первая электричка. Газета сегодняшняя, только со склада. Ларьки не открылись еще.

– А я раньше читал. Я редактор «Пригородного экспресса». Здесь у меня дача. Слоганы у вас мощные, и локтями работаете хорошо. В нашей профессии это, знаете ли, ценится. А потому у меня к вам есть предложение. Можете написать статью, как вы продаете нашу газету? Но чтобы всю-всю правду. И с юмором, желательно. Ну с этим у вас в порядке. Вот моя визитка, тут значится, куда приходиться. Если надумаете. Только не тяните со временем. Авторов у нас много, материалов хватает. Платим мы, кстати, тоже неплохо.

Я посмотрел на визитку. Под логотипом «Пригородного» значилось: «Враль Андрей Эдгардович, главный редактор». Ниже шел адрес редакции где-то на шоссе Энтузиастов. Почему-то фамилия и адрес внушили мне доверие. За ночь я исписал с десяток листов, а потом ужал всё в три страницы. Памятуя пожелание главреда, я рассказал и о том, как сломал в давке тросточку бабушке-ветерану, и о том, как пры-

гал из вагона на ходу, удирая от молодых якобы люберецких бандитов, и о том, как платил транспортному милиционеру за защиту. Еще через день я доехал по указанному адресу, но к самому Вралю меня не допустили, предложив оставить «креатив» на вахте. Назад я ехал расстроенный, резонно полагая, что вахтер отправит мою статью прямиком в урну.

А на следующее утро, получив свежую партию, я увидел на первой странице набранный крупными красными буквами заголовок: «Пригородный пресс: продавцы нашей газеты страдают от наездов братков и ментовской коррупции». От моего текста осталась примерно половина, вторая была выдумана кем-то другим. Но больше всего меня расстроила фотография какого-то левого чувака на фоне поезда Москва – Симферополь с идиотской физиономией и газетой в руках. Нам казалось, что сфотографировать должны были нас с Илюхой. Впрочем, переживать было некогда. Мы втерлись в поток дачников и начали продавать. Я работал на кураже, и весь запас газет ушел уже к середине электрички. Обычно я не смотрел на покупателей – нужно сосчитать мелочь или дать сдачу, сунуть газету, не переставая вопить слоганы. Мы доехали до Петушков, чтобы немедленно выпить за удачу в привокзальной забегаловке. Едва сойдя на перрон, я почувствовал на плече чью-то тяжелую руку. Сзади стоял незнакомый мент с газетой в руках.

– Ты писал?

– Я, – от испуга и неожиданности я даже не успел соврать.

– Ну вот что, парень. Если я тебя хоть раз еще здесь увижу, ты реально узнаешь, что такое наезды братков и ментовская коррупция. Врубился? И еще. Деньги верни.

– Какие деньги? – я подумал, что он отберет всю нашу выручку.

– За газету. Писака.

Назад мы возвращались на автобусе. В электричку садиться было страшно. Я вспомнил, что и для Венички путешествие в Петушки ничем хорошим не кончилось. Мы попробовали другие направления, но оказалось, что они уже заняты конкурентами. Работать локтями теперь было страшно, к тому же наш тандем распадался. Илюху какой-то родственник пристроил менеджером в фирму по продаже запчастей. Я остался один. Деньги, заработанные на газетах, заканчивались, а дядя, которому я перестал выдавать на выпивку, начал угрожать изгнанием в Тачанск. Однажды он насел уж слишком сильно, и я, демонстрируя свою некредитоспособность, вывернул карманы брюк. Оттуда выпала смятая сотня и картонный прямоугольник с фамилией моего вчерашнего кормильца. Сотня тут же была отправлена в фонд помощи страждущим от похмелья.

– Будут тебе деньги! – крикнул я и убежал на улицу. «Какой же идиот», – думал я. «Две недели прошло, а гонорар?» Враль обещал. Но ведь к нему же не пускают. До Энтузиастов пришлось идти пешком через всю Москву. Уже подходя к редакции, я вспомнил, что моей фамилии под статьей

не было. Да я и забыл ее написать, когда относил рукопись в надежде на долгий разговор с Вралем и какие-то разъяснения. Никаких формальных прав на гонорар у меня не было. У входа в редакцию я достал последнюю сигарету и закурил в раздумье. О циничности газетчиков ходили легенды. Неужели меня вспомнят и дадут денег просто так? Бред. Вокруг кидалово. Да и кто я такой? Безработный, без военника, один звонок в отделение – и проблемы нет, как и человека. Сигарета таяла вместе с надеждой. Сейчас бычок полетит в урну, а я вылечу в Тачанск и далее по этапу на Кавказ. Если не на зону за уклонение от воинской обязанности. Я вспомнил сумасшедший взгляд Пухлого, визг пуль и падающую с потолка штукатурку.

– Я за гонораром, – на вахтера я смотрел взглядом Филиппа Киркорова, пришедшего получать гонорар за концерт в Олимпийском.

– Документ. Проходите в восьмой.

Всё это походило на чудо, но только чудо и могло меня спасти. В бухгалтерии мою фамилию долго искали в списках и, конечно же, не нашли. Запах скандала всё сильнее витал вокруг меня.

– Вот статья, – я достал мятую газету и ткнул на первую страницу. – «Пригородный пресс»! Я ее написал! Меня ваш главный просил, у него и спросите!

– А, так вот ты где, продавец-затейник, – произнес кто-то за спиной. Я обернулся. В дверях стоял Враль. – А мы ведь

тебя давно ждем. Я ведь своих на планерке мордой в твою статью тыкал. Мол, учитеcь – какой-то пацан написал, а вы не можете. Ну пойдем, поговорим.

Разговаривал Враль недолго, и то и дело обрывал меня, как будто понимал всё с двух-трех слов. Мне предложили работать в «Пригородном», выдали гонорар и аванс, чтобы я мог снять квартиру. Начинаящего репортера бросили на умирающую рубрику «В чужой шкуре». Я превращался в мента, дояра, официанта, бомжа, а однажды в пост месяца жил в монастыре под видом послушника, после чего написал разгромный репортаж с подробным описанием скоромных яств, тайно употребляемых настоятелем.

Возможно, из меня получился бы хороший журналист, но настал 95-й год и выборы Ельцина. Однажды Враль вызвал меня к себе в кабинет. Там сидели двое мужчин немногим старше меня, которых наш главный называл по имени-отчеству, а они слегка пренебрежительно именовали его Андрюшей. Как я понял, гости принесли фантастический заказ на президентский пиар. Мне же предложили на время выборов покинуть «Пригородный экспресс» и поработать в новой газете «Не дай Бог!» с тиражом, охватывающим поголовно весь электорат страны. Боевой листок президентского штаба должен был мочить лидера коммунистов Зюганова. Мнение Вралья по этому поводу даже не спрашивали. Да и мое тоже, просто спросили: «Сможешь?» Я поинтересовался, располагают ли они компроматом на коммунистов, и если нет, то где

его искать и что конкретно требуется. На что один из гостей расхохотался и сказал:

– Да не надо никакого компромата. И фактов не надо. Надо придумать страшилку. И как можно более дикую и нереальную. Настолько, чтобы самые упертые коммуняки задумались – а не правда ли это.

Я думал несколько секунд. До тех пор, пока не была названа сумма. За три месяца я мог заработать столько, сколько за три года перевоплощений в «Пригородном». Куда после победы Ельцина я уже не вернулся. Во время бешеной работы в боевом листке я повзрослел и поуменел. И понял, что журналистика в России обречена. Что надо искать другие пути. Выборные гонорары ушли на создание собственного рекламного агентства. С клиентами мне помогли ребята из ельцинского штаба, а сотрудников я набрал сам – нюх на людей уже был. А потом годы обустройства в Москве, поездки по миру, учеба, расширение бизнеса, свадьба, развод, и всё то, что полагается пережить юному провинциалу, успешно привившему свой черенок на древо столичного мегаполиса.

* * *

Дорога от федеральной трассы на Тачанск мягко стелила километра три. Затем как-то внезапно перед бампером возник разлом, через который я прополз на первой передаче. Дальнейший путь напоминал игру в классики, где нуж-

но прыгать через несколько клеток из одного ряда в другой. Местные водилы промяли в асфальте извилистую колею в объезд выбоин и колдобин, петлявшую по обоим полосам дороги. Когда нужно было разъехаться двум машинам, одна из них просто съезжала на обочину. Несколько раз я вылетал из колеи, проваливался в ямы, но через полчаса всё же поймал ритм и скорость и даже начал получать удовольствие от метаний от одного края к другому.

Дорога забралась еще на один холм, самый высокий перед Тачанском, откуда, как я помнил, уже открывался вид на город. Сейчас долина подо мной была покрыта серой пеной. В ее центре, словно юбилейный торт, на котором с первого раза задули только половину свечек, покоился в майской дымке тачанский холм. Ну конечно. Каждый год в это время пацаны выходили в поля и жгли сухую траву. Я нырнул в туман, и начался долгий, мучительный спуск на нейтралке. Где-то в конце этого спуска туман неким волшебным образом развеется, меня встретят пригороды Тачанска, а затем и сам город моего детства, в котором ожидает меня цель путешествия – старый друг Птица.

Глава 2

Дорога, наконец, докатилась до дна долины. Начался пологий подъем, но прибавить скорость я не решился. Дым, по-прежнему клубившийся вокруг, не позволял видеть дальше чем на сто метров. Вдоль дороги виднелись унылые кубы сараек и дач. На дачи горожане ходили пешком, отчего граница между городом и селом здесь всегда была условной, и порой казалось, что окрас тачанских панельных хрущёвок пытается копировать оттенок изб брошенных деревень.

Я различил в дыму стелу с названием города: железную, местами проржавевшую конструкцию в виде пятиконечной звезды с условным красноармейцем посередине. Всем приедем ржавый герой грозил винтовкой с неестественно большим штыком. Около стелы мне попались и первые тачанцы. Двое парней шли из города с чинариками в зубах. Я сбросил скорость, тайно надеясь увидеть каких-нибудь давних знакомых – эффектно затормозить, опустить бесшумно стекло и, высунувшись из окна, широко улыбнуться: «Колян? Ты?» Но нет – лица этих прохожих были не то чтобы не знакомы, но абсолютно нечитаемы, как лица таджикских гастарбайтеров. Машина меж тем почти уже остановилась, когда один из прохожих вдруг нагнулся и поднял с земли железный прут. Я топнул правой ногой, и автомобиль, взвывая, втащил меня в Тачанск.

Свое имя Тачанск получил в 1918 году. В раннем детстве мне представлялись лихие тачанки с комиссарами на борту, слетавшие с холма навстречу вражеским полкам. На самом же деле никакой связи с пулеметными колесницами не было. Город, как рассказывал в школе наш помещанный на краеведении географ, был назван в честь красного мученика времен Гражданской войны – уголовного Тачанова. Февральскую революцию Тачанов, известный в криминальных кругах столицы как Тачан, встретил в питерских Крестах. Анархия тогда уже начала разъедать систему наказаний, и когда Керенский объявил первую амнистию, любовница Тачана подкупила кого-то из тюремного начальства. Его как бы по ошибке включили в список «политических» и выпустили из Крестов.

Атмосфера безвластия подействовала на самолюбие во-ра в законе как дрожжи на тесто. В тюрьме Тачан познакомился с большевиками, а после октября выпросил себе комиссарский мандат, десяток винтовок, набрал отряд из числа дезертиров и отправился устанавливать советскую власть в родную Алексеевскую слободу. Земляки, изголодавшиеся по порядку, сначала приняли Тачанова хорошо. Комиссар занял брошенный особняк промышленника Попова, бежавшего за границу еще летом, а дезертиры поместились в зда-

нии полицейского участка. Из числа местных воров Тачан собрал Совет рабочих и солдатских депутатов, а потом начал совершать набеги на дома состоятельных горожан. Слободчане терпели всё это, пока люди из отряда Тачанова не изнасиловали шестнадцатилетнюю работницу ткацкой фабрики Марию Соколову. Красавица Маша не вынесла позора и повесилась утром прямо в цеху, оставив предсмертную записку. Девушка была сиротой и всеобщей любимицей, воспитанной фабричным братством. Через час рабочие с кольями ворвались в участок и перебили всех защитников советской власти. Пронзенные кольями тела ткачи выбросили за город. Тачанов в своем особняке отстреливался из маузера и даже ранил двоих, но потом всё же был убит.

ГубЧК в причины бунта вдаваться не стала, а просто расстреляла с десятков участников расправы, назвав самосуд белогвардейским мятежом. Слободу же вскоре переименовали в город Тачанск. И хотя справедливей было бы назвать его Тачановском, кто-то из губернских начальников решил, что Тачан – это партийный псевдоним погибшего комиссара.

Когда я еще учился в школе, местные демократы предлагали вернуть Тачанску историческое название. Но жители взбунтовались. Прежнее имя спустя семьдесят лет казалось чуждым и новым, нелепым чудачеством нелюбимых властей. В школе им рассказывали легенду о красном герое, павшем от рук белых злодеев. Молодые девушки привыкли гордо именовать себя «тачанками» и не желали называться «алек-

сеевками». Историю с колами и красавицей Машей здесь не приняли. Референдум по переименованию демократические власти провалили, и Тачанск остался Тачанском.

* * *

Декорации поменялись. Туманный пейзаж с придорожными зомби остался позади. Дым куда-то пропал, как будто на границе города стояла невидимая защитная стена, а вместе с дымом растаяли и мои представления о городе детства. На центральном проспекте многое изменилось, и я специально поехал медленно. Мимо проплыл целый микрорайон новых двухэтажных домов вполне приличной архитектуры, я заметил несколько магазинов федеральных сетей. Параллельная проспекту дорога стала пешеходной, по ней прогуливались девушки в волнующе коротких юбках и чулках с замысловатыми узорами, вышедшими из моды год назад. Около магазинов я заметил несколько хороших машин, а мне навстречу попался точно такой же японец с номером «777». Тачанск изменился к лучшему, и всё же легкое чувство досады скребло по душе, как тупой станок по недельной щетине. Культовый гастроном «Три поросенка» в одной из трех тачанских высоток, откуда дядя Вася выносил нам «Пшеничную», стал сетевым «Пятаком». Соседняя пивная «Сиськи», где за барной стойкой царствовал похожий на бочонок Митрич, – аптекой «Айболит». Стоп, а это еще что? Развалины? На

развалинах старого собора в центре, где мы, загрузившись портвейном «Агдам», жарили рок-н-роллы, выросли купола, выщербленный кирпич покрылся новой штукатуркой, а над входом светилась, предвосхищая сумерки, неоновая надпись «Христос Воскресе».

Я свернул с проспекта и поехал в сторону Сортир – района, где жила моя мать. Вдали забелели стены когда-то заброшенного, а теперь восстановленного монастыря. После революции монастырь сделали сначала концентрационным лагерем для не успевших сбежать богатеев, а потом колонией для малолетних преступников. Лет двадцать назад колонию упразднили. На руинах появились первые монахи, и, видимо, Бог услышал их мольбы. Над главными воротами появилась новая колокольня. Храм, хоть и стоял в лесах, но уже с крестами. Белые стены портила только надпись «Децл – лох», в которой неизвестные исправили «л» на «б», отчего слоган читался теперь как «Децл – бох». Я вспомнил, что именно так – с отчетливой «х» на конце – произносила имя Господне моя бабушка. Тогда по созвучию бабушкин «Бох» казался мне похожим на «мох», а сам Всевышний – таинственным болотом, покрытым мягким приветливым мхом, но с опасными и манящими глубинами.

Район станции «Сортировочная» считался в Тачанске лихим. Пацаны с Сортир промышляли кражами, наркотой и гоп-стопом. Заходить сюда из других районов боялись, и часто парни из Центра просто отказывались встречаться с де-

вушкой, узнав, что она с Сортир. Но мне, выросшему здесь, бояться было нечего.

Сортиры представляли собой квадрат, застроенный пятиэтажными хрущёвками и девятиэтажными брежневками. Внутри квадрата располагались два садика, школа, клуб, опорный пункт милиции и несколько магазинов. Одной стороной Сортиры упирались в железнодорожную станцию, другой – в ткацкую фабрику, третья выходила на огороды и поля, а четвертая через лесополосу граничила с Городом – так называли местные обитатели весь остальной Тачанск. Угол между станцией и фабрикой врезался в старое кладбище. Когда-то район, разрастаясь, приблизился к погосту на опасное расстояние. Теперь же, казалось, могилы вышли из леса и наступали на дома. Официально кладбище было закрыто, но захоронения там продолжались. Несмотря на угрозы властей, жители микрорайона проявляли посмертный сепаратизм и завещали хоронить себя рядом с домом. Зимой на фоне мерзлого неба и грязных снежных полей Сортиры напоминали город чудовищ с башнями злого колдуна посередине. Но сейчас всё было по-другому. Со всех сторон, будто силаясь спрятать бетонный позор, дома обнимали облака цветущих яблонь и вишен. Я въехал во двор своего дома, вышел из машины и остановился. Цветочный аромат ударил в ноздри, проник в голову и расплавил мозг.

Я стоял, оглушенный сладкой смесью запахов, и в этот момент мне показалось, что и бегство из Тачанска, и все го-

ды жизни в столице, и путь назад, и цель путешествия вели меня к этому сумасшедшему мгновению. Как будто внутренние часы, всегда совпадавшие с внешним хронометром, пошли в десять раз медленнее, и стремительно несущийся мир распался на сотни отдельных, сменяющих друг друга кадров, которые только сейчас я смог разглядеть. Разглядеть старую скамейку с паучками, забившимися в трещины, яблоневого соцветия, стыдливо открывшие миру бледные пестики, остов разбитой машины во дворе, бабушку, развешивающую на веревках мокрые скатерти.

– Андрюша! – я поднял голову. Из окна выглядывала моя мать. – Что ж ты стоишь? Я тебя целый день жду!

– Иду, мама, – я кивнул головой и зашел в подъезд.

В подъезде пахло плесенью, хлоркой и застарелой мочой. О, родной подъезд! Сколько портвейна было выпито здесь, сколько песен спето, сколько сказано таких важных тогда слов. На стене второго этажа я увидел посеревшую, выцарапанную пивной крышкой надпись «Льется песня».

* * *

Мы с Виталиком сидели после уроков в пионерской комнате. Виталик только что спел свою новую песню и что-то меланхолично наигрывал на гитаре. Я стучал палочками по ободу пионерского барабана. На полированных стеллажах у стены валялись ставшие ненужными горны и знамена. Шел

1992 год.

– Слушай, Птица. А не сколотить ли нам джаз-банду?

– Тебе, Андрюх, слон на ухо наступил.

– Ну и что. Димон из «б» на гитаре неплохо шпарит, я слышал. Барабанщика найдем. А я могу... Во! Директором.

– Концерты устраивать?

– Ну да.

– Клево, валяй, – вяло сказал Виталик. – Но для группы это не самое главное. Самое главное – название.

– Да, это дело тонкое. Идеи есть?

– А что запариваться? Давай возьмем первую попавшуюся книгу, откроем наобум и ткнем в первое попавшееся слово.

– И это будет название?

– Ну.

– А вдруг это будет слово «похер»? Так и назовем группу?

– А что, зашибись. «Выступает группа "Похер"!». Зато лажать не страшно.

– Или наоборот: попадется «трансмиссия»?

– Тоже неплохо. Не просто миссия, а ТРАНС-миссия.

– Есть книги с собой?

Птица открыл свой рюкзак.

– Так, химия, физика, литература, дневник... Может, на полках что есть?

На полках, под слоем пыли, рядком стояли тома В.И. Ленина. Рядом валялась груда методичек, которую венчала какая-то толстая книга. Я взял ее в руки.

– Леонид Леонов, «Русский лес». Что за хрен с горы?

– Не знаю. Русский лес... Тоже название.

– Ну что, будем?

– Давай.

Я распахнул книгу где-то в середине, покрутил в воздухе указательным пальцем и ткнул им в страницу. Затем, не убирая пальца, подошел к Виталику.

– Льется песня...

– ...на просто-о-о-ре, по краса-а-а-вице земле, – дурашливо громко запел Птица, взяв какой-то безумный аккорд. А потом опустил руку на гриф, заставив гитару смолкнуть, и в наступившей тишине произнес:

– Говно.

– Как и ожидалось. Ну ладно, подумаем еще.

– Кто тут у нас распелся посередине урока? – в пионерскую заглянула завуч. – Ну-ка быстро пошли отсюда.

* * *

Мама уже на пороге засуетилась, предлагая тапки, вымыть руки, звала на кухню, подбегала к окну, переживая, как бы дворовое хулиганье не поцарапало «джип», зажигала плиту, подогревая домашние «котлетки» и резала сомнительного вида вареную колбасу. Приготовленного ею ужина хватило бы на пятерых. Мне оставалось только вяло отбиваться от предложений «поесть еще этого салатика», слушать подроб-

ные рассказы о неуродившихся помидорах и тяжелой борьбе с проклятым маком, невесть откуда появляющимся на грядках каждый год.

– Ну ма, я сам возьму, что мне надо.

– А ты не знаешь, какой у меня вкусный холодец. Маша, соседка, так сама до него не своя. Как в гости приходит, сразу холодец спрашивает. Вот и тебе надо попробовать.

– Ма, я не маленький, сам разберусь.

– А колбасу что не ешь? Свежая колбаса, вчера только брала. Это ж наша, тачанская, у вас в Москве поди одна химия, а у нас тут всё натуральное, из мяса.

– Ма, ну не ем я колбасу.

– Как это не ешь? Маленький был, так всё ел. И колбасы-то тогда не было. Очереди стояли, а теперь всего навалом, только денег ни у кого нет.

– Ма, а ты из наших пацанов никого не видишь?

– Ну как не вижу? Толика, дружка твоего, часто встречаю. Большой человек стал, начальник в милиции.

– Пухлый – мент? – я засмеялся, вспомнив историю с экспедицией на помойку. – А Виталик?

– Ой, про Виталика своего и не спрашивай. Заходил ко мне прошлой осенью сам не свой. На ногах еле стоит, весь в грязище, и всё: «Теть Тома, дай денег, теть Тома, дай денег». А я ему уж два раза дала – ни разу не вернул. А как отказала, как зверь стал. Орать начал что-то, в дверь ломиться, я еле захлопнуть успела.

Первый концерт получился почти случайно. Я курил на крыльце школы, а Птица с музыкантами репетировал в актовом зале. В такт басу и барабанам моя нога отстукивала ритм. Мимо школы проходил невысокий парень в косухе, из-под которой выглядывала майка с надписью «Sex Pistols», короткостриженный и с неестественно черной щетиной.

– Прикурить есть?

Я достал зажигалку и поднес к сигарете.

– А кто это там лабает? – парень слегка заикался.

– Мы лабаем.

– Панки?

– Ну, почти.

– А как называетесь?

– Не придумали еще.

– Песен пять будет отдроченных?

– Даже восемь.

– Флинт, – парень протянул руку. – «Необитаемый остров».

– О! Андрей.

Я не был на концертах «Острова», но слышал записи на замызганных кассетах. «НО» был лучшей рок-группой Таганска. Они чаще выступали в областном центре и даже ездили играть по клубам в Москву. Мне тогда казалось, что

еще чуть-чуть, и они встанут в один ряд с «Алисой», «ДДТ» и «Нау».

– Выступить хотите? У нас послезавтра концерт в Текстилях. Должен был «Шабаш» подъехать из области, но что-то обломилось. Пойдете на разогрев?

Я стоял, словно мне отвесили оплеуху, от которой минут пять звенит в ушах. Живой бог местного рок-н-ролла открывал для нас дверь в дивный мир музыки.

– Так что скажешь?

– К-к-конечно! Что от нас нужно?

– Послезавтра в пять в Текстили с инструментами на саундчек. И в афише что писать? «Без названия»?

Я всё еще не отошел от шока, и потому, позабыв посоветоваться с Птицей и ребятами, ляпнул наобум:

– Нет, напишите: «Льется песня».

Флинт засмеялся.

– А что, клёво. По-панковски. Только точно?

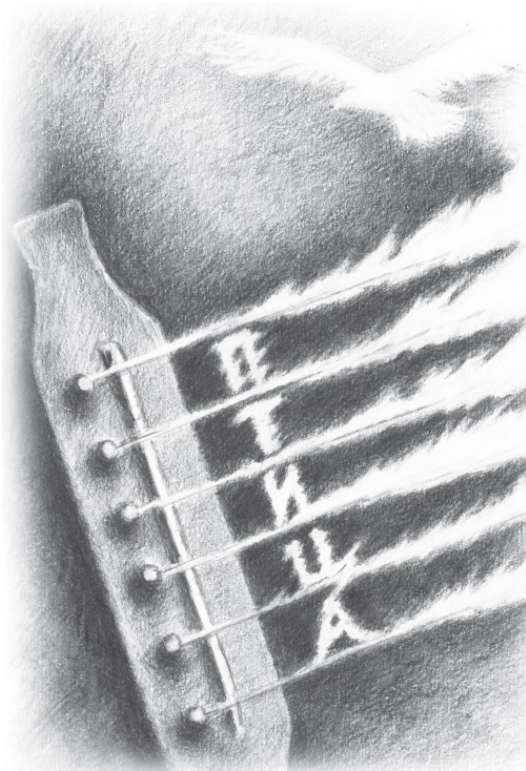
– Еще бы! Извините, а вы гитары нам не дадите свои? А то у нас плохие.

– Приносите что есть. Разберемся на месте. Давай, песнярь, до субботы.

Птица, конечно, обиделся, но было поздно, да и некогда. Нужно было срочно готовить программу для концерта. На следующий день я поехал в Город и минут пять простоял, оглушенный, около афиши с надписью: «"Необитаемый остров", "Льется песня", ДК Текстильщиков, 15 сентября,

19.00». А потом сорвал листок со столба и спрятал за пазуху.

К Текстилям мы подошли на полчаса раньше, и вахтер долго не хотела пускать сомнительного вида подростков со странной ношей в руках. Мне удалось уговорить завуча выдать нам школьные инструменты – жуткого вида алые гитары «Аэлита». Чехлов для них не было, и мы завернули гитары в покрывала, обвязав бечевкой. Наконец к нам вышел Флинт и провел на сцену. «Остров» заканчивал отстраивать звук. Звукарь в кругленьких очках и с длиннющими волосами, до смещения похожий на Егора Летова, сразу же заявил, что наши гитары воткнуть не даст. Островитяне оставили на сцене свои, попросив не менять настройки. Это нас спасло. Гитариста просто била дрожь, когда он надевал на плечо ремень настоящего «Фендера», а басист минут пять не мог найти медиатор, который уже держал в руке.

Птица с музыкантами сыграли три песни, после чего звукарь сказал: «Достаточно, в гримерку дуйте». Флинт уже разливал водку. Через полчаса наше настроение улучшилось, мы перезнакомились с музыкантами «Острова» и трусили уже гораздо меньше.

– Ну всё, пора, – сказал Флинт, посмотрев на часы, чуть

не опрокинув пластмассовый стаканчик с водкой. – Птица, ходь сюда.

Виталик подошел. Флинт сделал серьезное лицо.

– Ну, сын мой, благословляю, – вылил на голову Птицы водку, бросил стакан, а потом взял его за грудки двумя руками и резким движением разорвал майку. – Жгите!

Я плохо помню, что было дальше. Помню, как Птица чуть ли не подпрыгивал к микрофону, задрал голову вверх – высокий ведущий вечера поднял для себя стойку перед концертом. Как я сам влетел в толпу беснующихся у сцены панков, как поднимал к сцене козу, как Виталик орал: «Хой!», помню напряженное лицо барабанщика, зарядившего ритм в полтора раза быстрее, чем на репетициях. Помню, как спускался со сцены Птица, с всклокоченными волосами и опустошенным взглядом. Помню, как кто-то из зала закричал: «Льется песня!», и пацаны у сцены ответили ему радостным ревом. Это был успех.

* * *

За окном стемнело. После ужина я немного посмотрел телевизор в своей старой комнате и пошел в душ. Постояв под струей в желтой, проржавевшей у сливного отверстия ванной, я вытерся своим детским полотенцем и включил мамин фен, чтобы просушить волосы. Никаких регулировок на допотопном приборе не было, и фен жег кожу у корней во-

лос. Из зеркала с черными точками выщербленной амальгамы смотрело непривычно взрослое лицо – сильного, уверенного в себе молодого мужчины. Я помнил в нем совсем другое отражение, и только сейчас понял, как изменился. Что скажет Птица, когда увидит меня таким?

Глава 3

Мне не спалось. Старенький диван забыл мое тело, да и само оно с тех пор стало другим. Бок колола какая-то расшавившаяся пружина, а память – воспоминания. На этом диване я в первый раз любил женщину. Бессмысленно, по несколько часов в день, терзал до онемения пальцев гитару «Турист». Читал днями напролет книги, и думал, что мир таков, как о нем пишут.

Где-то во дворах проехала машина и я, как в детстве, увидел бегущую по потолку черно-желтую зебру. Много лет назад она убежала от меня, как казалось, навсегда. Иногда, случайно вспомнив этот оптический эффект, я думал, что он действует или только в Тачанске, или же в детстве, когда не можешь заснуть, думая о только что прочитанной книге или новой однокласснице. Жизнь – тоже зебра. Бесконечная зебра на нерегулируемом перекрестке.

Я взял сигареты и, не одеваясь, вышел на балкон. Горел лишь один фонарь, отражавшийся белесым кривым овалом в крыше моей машины. И тут я понял, что еще мешало заснуть. Где-то в стороне кладбища на несколько десятков голосов разливался соловьиный оркестр. Господи, когда-то для меня этот звук весной был таким же фоном, как вечный шум автострад в Москве. Несколько окон в хрущёвках напротив отсвечивали в такт синеватой цветомузыкой экранных вспы-

шек. Что они смотрят в час ночи? Кто они, эти люди, лежащие сейчас перед телевизорами? Какие мысли рождаются в их головах и рождаются ли вообще? Сейчас, посреди ночи, с балкона дома, где прошло детство, Тачанск выглядел мирным и уютным. Почти родным. Бред. Сейчас где-то под нервные вопли телевизора пьяный муж поднимет нож на жену. Где-то на этих темных улицах мои пятнадцатилетние тени забивают битами случайного прохожего. Где-то в подвале орет и вырывается глупая девчонка, согласившаяся пойти на ночную дискотеку с парнями из соседнего подъезда. Так здесь было всегда и так будет до окончания времен. Я не верю тебе, соловей, ни одной твоей ноте. Для этих улиц подходят песни другой птицы.

Песни Птицы. И его слова. Злые, жесткие, честные. За ними я и приехал сюда. Приехал, чтобы увезти эти песни. Увезти Виталика на запись настоящего альбома в настоящей студии. Альбома, который будет выпущен хорошим тиражом, который получит промо-поддержку. А дальше будет всё – концерты, интервью, рецензии, быть может, даже слава. Ведь это всего лишь вопрос денег, необходимых для старта. Сейчас деньги у меня есть, и я умею их с толком тратить. И, если надо, я потрачу весь свой отпуск на то, чтобы уговорить Птицу попробовать еще раз. Я должен сделать это. Иначе зачем были все эти годы в Москве. Раньше я и сам не знал, ради чего. Просто дрался, сначала чтобы выжить, потом чтобы удержаться, потом чтобы доказать, что я могу работать

на себя и еще кормить других. Думать обо всём этом было просто некогда, потому что в драке нельзя думать, надо бить и уворачиваться. Драка кончилась, я победил, но кого и для чего? И тогда из далекого прошлого колесом от разбившейся машины прилетел старый диск Птицы. Что ж, я буду добрым волшебником. И это будет уже завтра. Вернее, сегодня.

Двор в этот час был абсолютно безлюден, лишь в проезде между домами напротив блуждала чья-то тень. Вот она вышла под фонарь. Средних размеров собака двигалась медленно, в поисках куска еды обнюхивая заборы, углы домов и беспрестанно виляя хвостом. Странно, просить ведь не у кого. Может, привычка бездомной псины, всегда готовой подлизаться к сердобольному прохожему. Может, врожденный оптимизм вечно голодного существа. Ведь рано или поздно искомый кусок будет найден. Бог наверняка есть, и он добрый. Но пока он спит, я возьму его работу на себя. Или побуду орудием в его руках – как ему самому больше нравится. В холодильнике лежал кусок вареной колбасы, к которой я так и не притронулся. Людям употреблять не стоит, а для собаки в самый раз. Я вернулся на балкон и посвистел. Собака подняла морду и посмотрела на меня заинтересованно, чуть ли не улыбаясь. Лохматая, поджарая, под длинной шерстью угадываются тугие мускулы. Совсем беспородная, но красивая какой-то свободной, не завистливой, честной красотой. Помахал ей колбасой. Села, облизнулась. «Лови!» Сучка сначала отскочила, решив, что снаряд летит в нее. Потом рвану-

ла к подачке и остановилась, обнюхивая. Хвост замер. Снова посмотрела на меня, будто спрашивая: «Это точно мне? Это действительно можно?» Я кивнул. Псина снова понюхала, снова посмотрела и отошла в сторону. Я знал, я чувствовал. Тачанскую колбасу не жрут даже бездомные сучки. Выбросив окурок уже третьей сигареты, я прошел в комнату, упал на диван и сразу заснул.

Ни сегодня, ни завтра встретиться с Виталиком не получилось. Наутро я проснулся поздно, с температурой и жуткой болью в горле. Ночной рейд на балкон не прошел бесследно. Мать заявила, что никуда меня не отпустит, да я и не спешил. Напившись чаю с медом, я исходил потом, завернувшись в одеяло и перечитывая книги моего детства. Дома пришлось проваляться два дня. Наутро третьего боль в горле прошла, осталась только слабость в ногах, и я решил пойти, наконец, до Птицы.

Пока я болел, похолодало. Распускалась черемуха, и я вспомнил, что жители Тачанска всегда связывают ее цветение с майскими холодами. Идти до дома Птицы было минут пять, брать машину не имело смысла. Жители маленьких городков не любят успешных земляков-иммигрантов, хоть и с удовольствием рассказывают истории про них. У меня не было уверенности в том, что Виталик сразу примет мое вызывающее по меркам Сортир богатство. Такая машина здесь могла быть только у бандита, чиновника или прокурора. Честные люди в Тачанске на таких машинах не ездят. А еще я бо-

ялся матери Птицы. Окажись она дома, начнутся расспросы – где я и как. И ответы на них станут поводом для упреков Виталику.

* * *

Мы с Птицей писали наш первый альбом. На полу стояла запыленная и заляпанная магнитола «Филипс». Птица играл на гитаре, на басу подыгрывал Сервантес. Я за неимением слуха получил в руки маракас. В закутке между диваном и окном стояли бутылки портвейна «Три топора». Птица пил больше всех, в перерывах между песнями шутил и сам же заливался коротким смехом. Маленькие глазки превращались в щелки, скулы выступали вперед, а между ними сверкали два белых зуба на фоне пустого рта. Портвейна оставалось мало, очертания бетонных коробок за окном стали нечеткими, а песни, наоборот, звонче и веселее, когда дверь в нашу комнату открылась.

– Виталик, да ты издеваешься над матерью!/? Времени одиннадцатый час! Люба с третьего приходила уже!

Птица отложил гитару и пошел разбираться. Мы допивали и слушали только что записанные вещи. В большой комнате разговор перешел на крик, и вскоре в дверях появился Виталик.

- Мне на работу завтра к пяти! О матери-то подумай!
- Да ты не мать, ты крокодилица!

Птица захлопнул дверь. Тогда, взяв с собой гитару и магнитола, мы ушли гулять на кладбище, где пили и пели еще и еще – почти до рассвета.

* * *

До дома Птицы оставался какой-то квартал, и тут я увидел знакомую фигуру. Спутать эту нелепую, чуть подпрыгивающую походку невозможно было ни с чем. Сосед Птицы Антон учился на какого-то слесаря и был, как он сам себя называл, первым официальным фанатом «Льется песня».

– Антоха!

Прохожий обернулся и заводил головой в разные стороны – мимо меня. Видно, я изменился куда сильнее.

– Антоха, что, не узнал? – я помахал рукой и пошел навстречу. Антон тоже сделал несколько шагов и остановился. Никакой радости в его взгляде я не увидел.

– А, Андрей. Быстро ты приехал.

– Почему быстро? Как обычно.

– Ну, главное, успел.

– Надеюсь.

– А кто тебя звал?

– Да никто. Сам приехал. Давно здесь не был. К Витале вот сейчас иду.

– И я.

Мы пошли вместе, но больше Антон ничего не говорил.

Я тоже молчал, понимая, что этот парень может думать про москвичей, пусть даже когда-то они и назывались друзьями. До дома Птицы оставалось совсем немного, когда Антон нарушил молчание.

– А знаешь, Виталя ведь тебя часто вспоминал, ждал, что ты вернешься, и всё будет как раньше, – Антон криво усмехнулся, – хотел даже в Москву ехать к тебе.

– Что значит, как раньше?

– Да без тебя не очень у них получалось. То есть играли-то зашибись, конечно. Но базу никто найти не мог, репетировали редко. Концертов почти не было. Птица мне как-то по синьке сказал, что директора не хватает. Тебя имел в виду.

– Что, так и сказал?

– Чаще ругал, конечно. Говорил, что ты променял рок-н-ролл на гамбургеры.

– Никогда не поздно променять гамбургеры на рок-н-ролл.

– Да что теперь – Птице это уже не поможет.

– Почему?

– Как-то он мне сказал, что рок-н-ролл – это вечная молодость. Я тогда подумал, что это прогон такой. А сейчас понял. Рок-н-ролл, если так, как у Птицы, если реально, а не игрушка, – это смерть. А смерть и есть вечная молодость.

Я остановился.

– погоди, я чего-то не понимаю. Ты про какую смерть мне тут говоришь?

– Ну не про мою же. Я вроде живой.

– А кто не живой?

– Виталик, понятно. Ты на похороны идешь или куда?

– Стой, – Антоха уже стоял. – Ты что такое говоришь?

Какие похороны?

– А ты разве не на них из Москвы приехал?

– Н-н-нет. Я просто так приехал. Повтори-ка еще раз. Я болею, не сразу соображаю. Виталик – умер?

– Три дня назад.

– Как?

– Убили. В Балке, за городом. Какие-то отморозки. Или нарики, такие, как он. Забили то ли битами, то ли арматурой. Утром в понедельник пастух коров гнал и нашел его. А я думал, что тебе позвонил кто, и ты на похороны приехал специально.

Три дня назад! Три дня назад, когда я приехал в Тачанск! Если бы я сразу заехал к нему, всё могло бы быть по-другому. Если бы я не пропустил поворот, если бы не курил на помойке, если бы не берег подвеску, если бы не разглядывал баб на проспекте и не любовался на собор. Пока я ностальгировал по соловьиным песням, где-то совсем рядом тачанские ублюдки превращали хлипкое тело Виталика в отбивную.

– Ну что ты встал? Без нас закопают. А ты вообще зачем приехал-то? К матери?

– Да нет. К нему. Увидеть хотел. Как чувствовал.

– Карма, чё там. Мне Виталик рассказывал. На лучше, –

Антон залез за пазуху и вытащил оттуда початую чекушку водки. Горлышко было заткнуто туго свернутым тетрадным листком. – Извини, стаканов нет.

Не думая, я взял бутылку из рук Антона и попытался вытащить самопальную пробку. Пробка застряла. Я хотел повернуть ее, но пальцы соскакивали, и тут я понял, что руки у меня дрожат. «Дай мне», – Антоха взял чекуху, зацепил бумагу зубами, крутанул бутылку и протянул мне, выплюнув бумагу. «Пей всё. Там, я думаю, будет».

Я не пил водки несколько лет, но вкуса почти не почувствовал. Только отвратительный запах сивухи. Если бы не он, я бы, наверно, выпил бутылку залпом.

– А ты в Москве, видно, не только гамбургеры жрешь, – Антон принял бутылку из моих рук и махом ее прикончил. Потом поднес рукав к носу и громко втянул в себя воздух.

– Гамбургеры в Москве только провинциалы едят. Ну что, пошли?

– Пошли уже.

Перед домом Птицы были разбросаны еловые ветки. Крышки гроба у подъезда не было. Какая-то бабка сказала, что катафалк уехал с полчаса назад. Мы повернули и быстро зашагали к кладбищу. Антон повел меня коротким путем. Перейдя через дорогу, мы нырнули в лабиринт могил под пышными березами.

– Птица здесь на маке зависал обычно в июне. По садам хуже – то дачники, то менты. А на кладбище растет плохо, зато никого нет. Кому нужны мертвые? Он его тут даже сеял по осени. Ходил и семена по могилам разбрасывал. У отца всю засеял. А теперь сам рядом ляжет.

* * *

Мы с Птицей гуляли по Сортирам. Была весна, поля за границей пятиэтажек дышали свежими пашнями. Ласточки то ныряли в синее поле сверху, то выныривали обратно. Около одной из брежневок цвела яблоня. Виталик остановился около нее.

– Птиц, ты чё?

– Здесь, Андрюха, был мой дом.

– Переехали вы, что ли?

– До домов этих гребучих. Деревянный дом. Тут у нас был

огород. Там росли вишни, тут – яблоня. Вот, осталась до сих пор. Дом был там, где подъезд. А потом станцию построили. И поселок. Я бы никогда не поехал в бетонную нору. А отец на дорогу пошел работать... Рабочий. Раб Отчий.

– А где отец сейчас-то?

Виталик не сразу ответил.

– Повесился он. Мать, сука, довела.

* * *

Мы опоздали. Яму уже засыпали. Вокруг стояло человек тридцать. Длинноволосых среди них было совсем немного. Большинство бывших неформалов, как и я, остепенились. Над могилой, в кругу пустоты, стояла невысокая полная женщина в черном платке. Немного поодаль – какая-то чуть сторбленная сильно накрашенная девушка в отвратительно короткой юбке. Я огляделся и увидел Сервантеса – нескладного длинного парня с горбатым, наглым, неприличным грузинским носом. Трудно сказать, откуда он вылез, этот нос. Отец Сереги Вантеева был простым работягой на ткацкой фабрике, мать – учительницей. Мы поздоровались и перекинулись парой ничего не значащих фраз. А потом Сервантес спросил:

– Ты его последних песен не слышал?

– Нет.

– Месяца два назад Виталя спел мне последнюю песню.

Там были такие слова, – Сервантес сделал паузу и, подражая высокому голосу Птицы, тихонько напел:

*Ветер пулю не остановит,
Дождь не смывает кровь с рубахи.
Не сбежать от этой драки,
Не пришить крыла к хребтине,
Не дарить любимой цветик.
Потроха тела в овраге,
На лице свинца букетик,
Расцвели за печкой маки.*

* * *

С Птицей это было не в первый раз. Мы сидели у него дома и ждали Серванта, который должен был занять денег у Кости Дохлого, одного из немногих неформалов на Сортирах. Виталик был какой-то грустный. Сначала он наигрывал блюз на одной струне, а потом сел к столу и стал водить ручкой по листку из школьной тетради. Я курил и смотрел в окошко, а потом заглянул в листок. Там чернела виселица, похожая на хрестоматийный рисунок Пушкина про казнь декабристов. Только на виселице болталось всего одно тело. Птица закончил рисовать и начал выводить рядом буквы. Он тщательно прорисовывал каждую черточку, а потому буквы появлялись очень медленно. Через пару минут я прочитал:

«Костик». Потом мы, чтобы поднять настроение, включили «Эйс оф Бейс» и завели вялый разговор. Сервант опоздал, наверно, на час. К этому привыкли, но на этот раз повод был: – Птица, Дохлый повесился.

* * *

На поминки все пошли пешком. В большой комнате уже стояли столы с закуской, на табуретках ждали гостей накрытые покрывалами доски. За столом разместились еле-еле. Квартира была маленькой – сорок пять метров. Напротив меня сидел Флинт. Он да Птица – больше настоящих рок-музыкантов в Тачанске не было. Как-то так получилось, что после истории с крещением и первым концертом Птица и Флинт резко охладели друг к другу. А потом и вовсе не общались. Птица рассказывал мне, что как-то ночью пьяный пришел к Флинту в гости, а у того была женщина, и он Виталика не пустил. Похоже, смерть помирила и их. Флинт, который сам не раз смотрел в собственную могилу, поднял налитую до краев стопку и сказал:

– Он умер, как настоящий рокер.

Эти слова показались мне до тошноты банальными. Я подумал, что Птица на самом деле для многих собравшихся умер гораздо раньше. А для кого-то и вовсе не существовал.

Мать Виталика принесла запеченную целиком курицу и прямо на столе кромсала ее на части большим ножом. Жен-

щина отрубала крылья птице четко и уверенно. Кости хрустели, но ни одна капля жира не упала на порядком заляпанную скатерть. Мать Витали работала поваром в ресторане. Не раз на кухне мы закусывали заветренными салатами и подрумянившимися кусками мяса – ништяками. Блюда, не доеденные посетителями ресторана, были разные, но запах у них почему-то был один. И я, хоть и считал себя панком тогда, почему-то думал, что это и есть запах нищеты.

В перерывах между короткими речами на разных концах стола вспыхивали и утихали пустые разговоры: «Как сам? А сам-то как? А слышал, что с Коляном?» Мне не хотелось ни с кем говорить, и я просто пил водку – стопка за стопкой, закусывая отвратительными солеными огурцами. Напротив сидела девушка, чья короткая юбка так возмутила меня на кладбище. Сейчас я мог разглядеть ее получше. Мелированные волосы забраны в хвост, слегка оттопыренные уши, в одном от мочки вверх спиралью поднимались маленькие серебряные кольца. Лицо, возможно, и было красивым, если бы не слой пудры, заметный даже через стол, неестественно яркая помада и пошлые синие тени под большими, как мне показалось, чуть влажными глазами. Нет, не красивая, скорее, фактурная, выпуклая, рельефная. Такая не сольется с серым тачанским пейзажем. В какой-то момент этим глазам надоело чувствовать, как их ошупывают, и девушка обожгла меня ответным взглядом. Я тут же отвернулся и наклонился к Сервантесу:

– Сервант, а это кто такая?

– Лена. Его бывшая. Иволга.

– Жена?

– Так-то нет. Года три назад они познакомились. Сначала везде вместе ходили. Она чем-то заменила тебя, занималась концертами, запись даже замутила в Текстилях. Там аппарат нормальный поставили, только дают тем, кто в кружках числится. Лена туда устроилась театральный кружок вести, она пед заканчивала. Птица даже завязал тогда – и с синькой, и с торчеством.

– А потом?

– Потом ему показалось, что Лена слишком много на себя берет. Типа делай так, так не делай. Ругала его, когда на репы не приходил. Когда пьяный выступал. Стали ссориться. Он еще бесился, когда мы говорили, что Лена права. А с полгода назад она уехала в Н-ск. Якобы нашла там работу. Я думаю, она спецом уехала, думала, Птица за ней поедет. А он остался. И тут уже отрываться стал по полной. Даже я с ним бухать боялся. С ним вообще старались не встречаться. Он всегда денег требовал. И дать страшно, знаешь, что проторчит или пропьет. И не дать страшно – орать начинал. Я вообще думал, что его мать как-нибудь убьет. Или отчим.

– Так он с ними жил?

– Не, у него своя квартира была на Павлика Морозова. Но там всё пропито. Один матрас. Жрать он сюда, к матери, ходил. Тут и инструмент, какой остался.

Захотелось курить, и я кое-как выбрался из-за стола. Пытаясь найти в прихожей свои ботинки, я заметил, что дверь в бывшую комнату Птицы приоткрыта. Заглянул – никого. В углу валялись поломанные гитары без струн, у окна разбитый барабан. На полке лежал маракас – быть может, тот самый, на котором я когда-то играл? Вещи словно чувствовали, что никогда больше не пригодятся людям, и казались мертвыми. Пыль клубилась посередине комнаты в косом луче, бог весть как проникшем сквозь занавешенные шторы. «Костик умер», – тогда мы так же сидели здесь в тишине и смотрели на те же бесчисленные миры, роящиеся в тонком солнечном луче. Я вдруг подумал, что Птица всегда пел про нее – про смерть. Что он всегда чувствовал ее присутствие. Что он не думал, как все, что смерть можно обмануть. Птица умирал несколько последних лет. Но он умирал и раньше. Он умирал всегда и всегда пел об этом. И еще я подумал, что, кроме меня, этого никто не поймет. Потому что я чувствовал то же самое. Что мы тогда играли?

«Восход над стенами». В этой песне Птице и Сервантесу лучше всего удалось передать бешеное напряжение текста. Сервант бил по всем четырем струнам со скоростью пулемета, а Виталик разрывал струны медиатором. В припеве говорилось о пути «сквозь туман – тяжелый, вечный», в конце которого «комбайн, друг беспечный» захватит «сначала руки, а потом глаза и уши, и поле синее проглотит наши души».

Я тогда удивительно четко представлял себе этот ком-

байн, перемальвующий мои кости, мозги и куски мяса. И в тот момент, когда машина выплевывала красный брикет, обтянутый стальной проволокой, из трубы сбоку вылетало что-то еще. Что-то еще, корчащееся от боли и страха, сморщенное, как кожа младенца, забрызганное невидимой кровью. Что-то еще, что расправлялось с каждым вздохом, втягивая в себя бездонную синеву.

* * *

Я докурил сигарету и хотел вернуться в подъезд, когда из двери вышла бывшая девушка Птицы.

– Зажигалка есть?

Пламя зипповской зажигалки чуть не обожгло ресницы, и Лена сморщилась от запаха бензина. Я достал сигарету, еще одну.

– Тебя зовут – Андрей?

– Да.

Пауза.

– Слышала, – и снова молчит. Я разглядывал ее вблизи. Что Птица в ней нашел? Столько косметики – это пошло. Какое-то аляповатое ожерелье. Пирсинг этот детский. А ведь она, судя по всему, наша ровесница. Что-то надо спросить. Что-то сказать. Но перед глазами уже алкогольный туман, в котором трудно сфокусироваться на какой-то мысли. Кроме одной – Птица умер.

– Птица умер.

Зачем я это сказал? По фиолетовому облаку теней, по крупным гранулам дешевой пудры из левого глаза покати-лась капля. Лена как будто ничего не заметила, всё так же глубоко затягиваясь и с усилием на выдохе выпуская струю дыма изо рта. Словно курение причиняло ей боль.

– Извини.

– Знаешь, у меня в жизни не было ничего другого. Ниче-го, кроме него. Наверно, это просто жизнь такая идиотская. Я хотела. Я пыталась. Я должна была сделать что-то. Но он ничего не давал. Мне иногда казалось, что он специально так всё делает. Убивает себя. И меня вместе с собой. И тогда мне стало страшно. Я знала, что будет так, что они его убьют, ес-ли меня не будет рядом.

– Погоди-погоди. Кто – они? Ты что-то об этом знаешь? Расскажи мне.

– Что ты ко мне пристал? Кто ты вообще такой? Езжай об-ратно в свою Москву! – ее голос перешел почти на визг, она бросила сигарету и побежала в подъезд. Краем сознания я еще понимал, что это какая-то глупость, какой-то фарс, мо-жет, даже сон, но ничего уже не смог поделаться и кинулся за ней. Между первым и вторым этажом я настиг Лену и схва-тил ее за руку:

– Что ты знаешь? Кто его убил? Я найду этих уродов! Го-вори!

Но Лена вместо ответа разревелась и уткнулась лицом мне

в плечо. Я инстинктивно обнял ее. Девушка обхватила мою шею руками, и я чувствовал, как колышется в такт рыданиям ее крупная грудь. Водолазка на плече намочла, и я почему-то вспомнил, что у меня больше недели не было женщины.

Не было жалости ни к ней, ни к Птице, а только к себе, к

своей проигранной битве, к неудачной миссии, к жизни, зашедшей в тупик. Сверху, из квартиры Виталика, спускалось несколько человек. Они, судя по звукам, спотыкались и бились плечами в стены, видимо, были пьяны, как я. У меня возникло желание оттолкнуть Лену, но мне показалось, что девушку это обидит еще больше, чем мои слова на улице. Компания прошагала мимо, кто-то пихнул меня в спину.

– Только закопали, а она уже нашла себе. Вот ведь бабы, – услышал я чей-то голос.

В другой ситуации я бы нашел обидчика и устроил драку. А сейчас просто продолжал стоять, поглаживая грязные волосы всхлипывающей незнакомой девушки.

– Прости меня. Я просто очень напилась. Мне не надо было делать этого, – Лена оттолкнула меня и, шатаясь, пошла наверх. Я постоял еще несколько секунд и вышел из подъезда. На поминки я уже не вернулся.

Глава 4

Я проснулся только в четвертом часу дня. Водка и недолеченная простуда. Здравый смысл подсказывал, что делать в Тачанске больше нечего. Разве что найти и забрать последние записи Птицы. Я лежал и прокручивал в голове стремительный и безумный день похорон. Мысли, как блохи, перескакивали с одного эпизода на другой. Я придавливал их ногтем логики, и они лопались с легким противным хрустом. Всё, что я делал накануне, было безумием. Нет, не так я хотел вернуться. Всё было глупо, пошло и противно. Но одна мысль лопаться не хотела. Мысль о том, что Птицу убили не случайно.

Тачанский райотдел милиции располагался в старинном двухэтажном особняке из красного кирпича. Высокое крыльцо с литыми чугунными перилами венчала островерхая шатровая крыша, вызывавшая в памяти песню про отраду, живущую в высоком терему. Поднимаясь по лестнице, я вдруг подумал, что, скорее всего, именно здесь и располагался до революции полицейский участок. И именно здесь прошли последние часы подручных Тачана, – от оргии с красавицей Машей до бесславной гибели от мозолистых рук ткачей. Вот по этой лестнице вели, наверное, бессловесную девушку, еще не понимавшую, что ее ждет. И по ней же совсем скоро будет подниматься толпа таких же молчаливых боро-

датых и безбородых мужиков, буднично, как пастух хворостину, сжимавших в руках выдранные из огородов колья. Вряд ли у дезертиров были выставлены посты, быть может, они просто спали или резались в карты в одном из залов и даже не успели понять, какая опасность исходит от вечно покорных и тупых ткачей, боявшихся одного вида оружия. Я представил удивленное лицо первого бандита, в грудь которого кто-то с размаху засадил кривую палку, молчаливую сцену массового убийства, потоки крови, которые стекали с этой лестницы.

А еще подумал, что эти стены видели тысячи убийц и убийств, насильников и насилий, жутких не числом и деталями, а своей возведенной в абсолют бессмысленностью. Бессмысленностью, от которой нет лекарства, потому что природа ее непонятна. Или же схожа с природой самого русского человека.

В РОВД я заплутал в путаной анфиладе коридоров и тупиков, и едва смог найти кабинет Толика. Пухлый в ментовской форме сидел в большом кресле на колесиках (кажется, в магазинах оно именуется креслом руководителя). От постоянной езды линолеум под креслом протерся до цемента, и грязные края покрытия с торчащим ворсом жалобно загибались вверх.

Человек в кресле что-то писал на листке бумаги, одновременно стряхивая в пепельницу несуществующий пепел с потухшей сигареты.

– Приема сегодня нет, – не глядя на меня, злым механическим голосом произнес Пухлый. – По всем вопросам – к начальнику дежурной части.

– Толя, это я, Андрей.

– А, Андрюха, заходи, – Пухлый даже не посмотрел в мою сторону. Продолжая писать, он теперь мял окурком грудку скрюченных бычков. – Погоди пять минут. Отчет закончу.

Пока Толик заканчивал, я успел рассмотреть его самого и кабинет. Пухлый давно уже был не пухлым. Крупный мужик со злым скуластым лицом. Выглядит старше своего возраста лет на десять. Единственный шкаф в кабинете был забит бумажными папками, на шкафу покоилась солидная офицерская фуражка. На полированном, местами протертом и прожженном столе – такой же мама купила мне, когда я пошел в первый класс – не было даже компьютера. Вот тебе и большой начальник, подумал я. Да нет, погоны майорские. Что же они руками-то пишут до сих пор?

– Ну, здорово, брат. Из Москвы? – Пухлый закончил писать и протянул мне руку. Я инстинктивно напряг мышцы ладони и не напрасно – хватка у майора была под стать прессу.

– Из нее, родимой. Что, отчетами замордовали?

– Не говори. Охренели в этом УВД. То статистику по раскрываемости им портим, то укрывательством преступлений занимаемся. На той неделе орали, что мы всякую мелочь регистрируем, а сейчас – что число выявляемых сократилось

в два раза, и это укрывательство. Ну не уроды, скажи? Ну не пидоры, а? А еще нарики эти. Вчера разнаряда с обнона пришла, чтобы меньше грамма махья дозы не изымали. Типа крохоборство! Хоть самим колись! Ну как там Москва? Не провалилась еще?

– Да нет, что ей сделается. Москва как Москва. Дома повыше, улицы почище, а всё остальное как здесь. Только у вас пробок нет.

– Да ладно, то же самое. Все бабки себе огребли и сидите на них. Я не про тебя, конечно.

– А я, Толя, по делу пришел.

– По делу?

– Знаешь, что с Виталиком случилось?

– Как не знать.

– Я хотел спросить твое мнение – кто это мог сделать и, главное, зачем.

– Тебе действительно интересно? – Пухлый ухмыльнулся.

– Да, а что тут такого?

– Ты ведь знаешь, что Птица – торчок.

– Да.

– И не знаешь, как умирают торчки. Нашли его в Балке, с пробитой башкой. Полные карманы шприцов. Варианта два: либо свои же замочили из-за дозы или по кумару, либо шпана – просто для тренировки. Они торчков и бомжей ненавидят.

– То есть у вас это две основные версии...

– Какие версии! Ты детективы не смотри на ночь. Никаких версий нет. Дело – глушняк. Я тебе честно скажу – если бы они его поаккуратнее ударили, мы бы судмедэкспертов уговорили написать, что помер от передозы. А так только статистику нам, гад, испортил.

Я вдруг разозлился.

– Пухлый, ты чего? Это же Птица! Это Виталик! Ты что – забыл? Как в пробки вместе играли, как мульты смотрели, как на помойку ходили, как водку нам дядя Вася покупал, как на гитаре он тебя учил играть. Ты ведь бабу первую трахнул после того, как песни ей пел в Новый год – которым тебя Птица научил! Это друг твой, Пухлый! И мой друг! И такого у тебя и у меня никогда не будет! Статистика, твою мать. Тебе его не жалко?

– Эй, эй, не ори. Не на сейшене. Мне его жалко было десять лет назад, когда он торчать начал. Когда я его первый раз забрал и в КПЗ посадил, чтобы он переломался. А через месяц он снова заторчал. И я уже ничего не мог сделать. Потому что если человек себя убить хочет, он себя убьет. Сансара такая. Ты хоть понимаешь, что столько они не живут вообще. Это чудо, что только сейчас. Реально он давно уже был труп. И вообще, кто бы тут о дружбе говорил. Сидел там в своей Москве, а мы тут в говне ковыряемся. Раз друг такой, так приехал бы раньше и помог.

Мы замолчали.

– Ладно, Толян, извини. Погорячился.

– Да херня, бывает.

– Слушай, но вообще шансы-то есть поймать этих уродов?

– Честно?

– Да.

– Нет. И не потому, что нельзя, а потому, что искать никто не будет. Ты обо мне плохо не думай. Я как узнал, сразу всех наркомов, кто с ним был знаком, перетряс. Они обычно быстро колются. Но никто – ни сном ни духом. И вообще были на Сортирах в тот день, и свидетели есть. Один он в Город поехал, и в Балку один ушел. Теперь следствие будет заниматься. А у следователя таких дел штук двадцать, и план по раскрываемости. И следователь выбирает единственно правильный путь для своей личной задницы: берет то, что реально хоть как-то раскрыть и до ума довести. А чтобы это дело попробовать раскрутить, нужно всё бросить и только им одним заниматься. И то без гарантии. Но это не в моей власти. И даже не во власти начальника УВД. Потому что так просто не бывает.

– То есть ты хочешь сказать, что раскрыто оно не будет.

– Почему? Может, и будет. Кто знает. Но только чисто случайно. Если мы возьмем жулика по какому-то другому делу, а ему вдруг в рай захочется, и он устроит нам массовое покаяние. Так тоже бывает. И нередко. Сансара такая.

– Карма.

– Что карма?

– Карма, а не сансара. Карма – это судьба, а сансара – это

что-то другое.

– А не один ли?

– Тоже верно. Слушай, а ведь начальником РОВД вроде был твой дядя. Он еще работает?

– Нет, помер.

– Жаль. Хороший был мент. Честный.

– Хороший мент честным не бывает.

– Ну ладно, Толян, пойду я. Давай только, если жулик вдруг сойдет с ума и решит исповедаться, ты меня наберешь.

– Договорились. С тебя тогда пузырь. Но не надейся особо.

Я вышел из РОВД и побрел по какой-то улочке в тени тачанских тополей, огромных, как баобабы. Воздух пах вечерней травой – позабытым, вечным запахом наступающего лета. Несколько минут – и я вышел на Советский проспект. Он шел прямо по вершине холма, и дорога медленно поднималась к горизонту, обнимая горб земли. Странно, но ни прохожих, ни авто на проспекте не оказалось. Лишь где-то вдали тень сгорбленной старухи с авоськой плыла к линии отреза дорожного полотна, куда миллиметр за миллиметром погружался огненный шар заходящего солнца. На разделительной полосе, над замершим проспектом, приготовились к прыжку гимнасты-фонари.

Мне нечего больше делать здесь. Всё оказалось не так. Слишком не так. Непривычно не так. Я привык рассчитывать всё точно и почти никогда не ошибался. Московская

жизнь была похожа на программу: нажимаешь привычную комбинацию клавиш – получаешь нужный результат. Если комбинация неизвестна, ее можно подобрать. Главное знать, что все программы, как цыплята-бройлеры, вышли из одного яйца. А может, мне просто всегда везло? Но почему тогда не повезло сейчас? Виталик не дождался всего несколько часов. Несколько часов, которые бы подарили ему новую жизнь, позволили бы вырваться из – тут я вспомнил – колеса сансары. А мне дали бы... Что бы дали мне? Может, успокоили не совсем заснувшую совесть. Может, новый смысл. Теперь уже не узнать. И всё из-за каких-то неведомых отморозков, скорее всего, не слышавших ни одной песни Птицы. Конечно, Пухлый прав. Смерть Витали была случайной, нелепой, неожиданной закономерностью. Логичным финалом, концом компьютерной игры тачанских наркоманов. Которую судьба-вирус забросила на мой ноутбук через USB-порт ностальгии: на, получай, – две мечты не сбываются. Ты и так получил достаточно, выбравшись отсюда. Захотелось поиграть в фею-крестную? Многовато чести. Здесь фея приезжает на тонированной черной девятке с белым порошком в кармане, если, конечно, есть кэш. Или ангелом-избавителем приходит с обрезком трубы в полынном бурьяне за городом.

Нет. Так не пойдет. Всё просто, слишком просто. И очень удобно для того, чтобы забыть про Птицу и его песни. Что говорила эта девушка, бывшая Витали? Они убили его. Кто такие они? Пухлый не будет выяснять. Он слишком хорошо

всё знает. И слишком не удивляется всему. Может, всё было именно так. А может, и нет. У меня слишком мало фактов, чтобы судить. В конце концов, отпуск. Есть месяц свободного времени. И я потрачу его на то, чтобы закрыть эту тему в своей жизни навсегда. Я вдруг понял, что не успокоюсь, если уеду прямо сейчас и буду ждать результатов расследования. Их просто не будет.

Я сам найду убийц Птицы.

Глава 5

– Здравствуй, Иван.

Я протянул руку. Ваня секунду помедлил, вздохнул и протянул свою. Чужие косточки неприятно хрустнули в моей ладони – священник не ответил на рукопожатие и чуть поморщился. А что он хотел? Не целовать же руку бывшего одноклассника.

– Не называй меня Иваном. Я теперь Георгий. Отец Георгий.

– Уже отец? – я не сдержался и хрюкнул. – Поздравляю.

– Ты неправильно понял. Я монах. Иеромонах. Зачем пришел?

– Поговорить. Пойдем в машину?

Иван посмотрел на машину за моей спиной, и в его глазах мелькнуло оживление. Ну а какой мужик не хочет хотя бы посидеть в такой тачке?

– Нет, братия не поймет. Пойдем лучше в кедровник.

Мы миновали вертушку своего рода проходной и вышли в монастырский двор. Я с трудом узнавал внутреннее пространство. Мы часто бывали здесь сразу после того, как тюрьма переехала в новое здание. Тогда во дворе громоздились останки ЗИЛов и УАЗов, ржавые механизмы непонятного назначения, мотки колючей проволоки. От храма оставались только стены. Крыша провалилась еще до отъез-

да тюрьмы. Я слышал, что кому-то из тюремного начальства пришла в голову идея сделать в церкви кинозал. Вместо иконостаса натянули экран, поставили проектор, но смотреть кино мешали железные стяжки, идущие от стены к стене. Они отражались на экране черными горизонтальными полосами, и тюремное начальство решило их спилить. То, что стяжки удерживали трехсотлетние стены, поняли лишь после того, как во время просмотра ленты «Ленин в Октябре» на зрителей рухнул центральный купол. Почти все, кто смотрел фильм, погибли.

Впрочем, вид отреставрированной церкви меня не удивил. Как не удивил и опёнок спутниковой антенны, прилепившейся к пню-колокольне. Удивил сам двор, больше похожий на европейский парк, с кустами роз, подстриженным газоном, посыпанными гравием дорожками и аккуратно уложенными плитами старинных захоронений. Неужели сохранились с дореволюционных времен? Или это имитация, каприз дизайнера? Бред, какой дизайнер в захолустном монастыре...

Мы дошли до белой стены и нырнули в арочку-калитку. Здесь, за невысокой оградой, росли кедры, сумевшие пережить и монастырь, и концлагерь, и тюрьму, и время, когда остатки тюремного имущества растаскивали жители Сортир. По местной легенде, эти кедры росли тут всегда, еще до основания монастыря и самой слободы. Говорили, что именно здесь отшельнику Алексею явилась на дереве икона Бо-

городицы, во имя которой был назван сначала скит, а потом и монастырь. Рассказывали, что икона эта пропала во время разгрома монастыря красными, но годы спустя то один, то другой житель Тачанска видел ее в гуще кедровых веток. Якобы однажды образ на дереве увидел начальник тюрьмы, тот самый, что устроил в храме кинозал, и даже вызвал зеков, чтобы те сняли икону. Несколько человек отказались, а тот, кто всё же решился влезть на кедр, упал и сломал себе шею. Байка, конечно.

В отличие от главного двора, кедровник больше напоминал лес. Но не обычный русский лес, а какие-то райские кущи с пронзительными лучами солнца в редком подлеске, нежными метёлками новорожденных кедров и величественными красноватыми стволами. Мы отыскали скамеечку под большим старым деревом и сели.

– Слушай, никак не могу называть тебя отцом. Можно просто Георгием?

– Да хоть горшком, только в печь не ставь, – усмехнулся Ваня.

– Окей. То есть как скажете, ваше преосвященство.

Ваня наконец разулыбался, как будто вспомнил наши игры в мушкетеров лет двадцать назад. Он сидел, поглаживая пока еще жиденькую бородку и глядя вверх.

– Не, преосвященство – это епископ. А я всего лишь простой иеромонах. Ну, рассказывай, зачем пожаловал.

– Я хотел поговорить про Виталика. Про Птицу. Говорят,

он общался с тобой в последнее время.

– А, вот ты о чем. Вернее, о ком. А зачем тебе это?

– Видишь ли, – я подумал, что скрывать от священника мне нечего. К тому же я что-то слышал про тайну исповеди. Тут хоть и не исповедь, всё равно нет никого, кому бы он мог это рассказать. – Я хочу найти его убийц. Или попробовать найти. Менты заниматься не будут, для них это слишком мелко. А я давно не был в Тачанске. Мне интересно всё – с кем он встречался, были ли у него враги и друзья, о ком он, может быть, плохо говорил, кого или чего боялся...

– Зачем это тебе?

– Я вроде внятно объяснил.

– Зачем ты хочешь мстить? Это не дело человека, это дело Бога. Спаситель даже на кресте молился за убивающих его, говоря: «Прости их, Господи, ибо не ведают, что творят!» Око за око, зуб за зуб... Это истина Ветхого Завета, иудеев, истина старого мира. Не месть, но любовь должны мы нести в мир. Совершая месть, злясь, мы умножаем зло. Убийцы Виталия и так будут наказаны, потому что вряд ли когда-то раскаются в этом грехе. Но мы должны верить и надеяться. На то, что и их души могут спастись.

– Георгий, здесь не воскресная проповедь, а я не паства. Я взрослый человек, со своими убеждениями. Мне не нужна душеспасительная беседа, мне нужна информация.

– Ты сам не понимаешь, что ты говоришь.

– Очень хорошо понимаю. Может быть, ты и прав. Но твоя

истина – она твоя, а не моя. Я думаю по-другому. И потом, я не собираюсь душировать их своими руками. Просто передам информацию Пух..., то есть в милицию. Православная церковь, наверное, не отрицает закон и правосудие?

– Нет, не отрицает. Что ж, делай как хочешь. Мое дело предупредить.

От священника исходил странный запах. Вроде бы это был запах ладана, которым кадят в храме на утренней службе. Но этот был какой-то жесткий, концентрированный, убийственно чистый, как запах хлорированного средства для мытья туалетов. В верхушках кедров загудел ветер. Здесь же, в подлеске, по-прежнему было тихо. Думать тут о таких странных вещах было противоестественно. Но у меня была цель, от которой я не собирался отступать.

– Так расскажи, что произошло. Я слышал, Птица жил в монастыре какое-то время?

Иван снова смотрел вверх, будто стараясь разглядеть в кедрах потерянную икону и спросить совета у нее. Но только ветки непонятно шебуршали и потрескивали на ветреном языке.

– Виталик пришел месяца три назад. Его долго не хотели пускать, но потом сжалились и позвали меня. Он был как бомж. В волосах репы, одежда грязная, рваная, глаза какие-то масляные, желто-красные. Весь дрожал. Я сразу понял, что его ломает. Я потом его руки видел – ни одной вены. Все ушли, спрятались от укулов. Даже естество человеческое

против такого. Он просил пустить его ко мне, говорил, что хочет найти покой. Не так, конечно, говорил.

– Переломаться хотел?

– Да, да, именно так. Я сказал, что ему надо не в монастырь, а в больницу, но в ответ он начал ругать врачей, и я понял, что в больнице он уже был и ему не помогли. Пришлось поговорить с отцом Диомидом, это наш настоятель. Сначала он не хотел, но потом все же дал благословение. Мы выделили Виталию келью, он попросил поставить ведро воды и запереть его.

– И что было дальше?

– Дальше было страшно. Сначала он валялся на полу и его трясло. Потом начал кричать, хотел вырваться. Тут уж мы его заперли и поставили послушника читать канон под дверь. Вся братия молилась.

– Зачем?

– Ну как же. Грехи – это просто нитки, за которые человек дергает бес. Человек может порвать нитки, но если не изгнать кукловода, ему ничего не стоит привязать новые. Поэтому врачи очень редко могут вылечить. Но бес только играет человеком, он не может полностью завладеть им. Потому что в человеке есть образ Божий, и чем его ни замазывай, он всё равно проступит, как старые фрески в храме порой проступают через новые росписи. Вот и Виталия к нам привел этот образ. Мы старались ему помочь, старались изгнать беса...

– Не вышло?

– Наверное, нет.

– Он вырвался? Убежал? Достал наркотики?

– Не совсем так. Сначала мы думали, что победили. День за днем приступы становились всё слабее. Виталий начал есть, потом помогать в работе по монастырю, потом стал даже ходить на службы. Выучил некоторые псалмы и подпевал в хоре. А однажды в храме он встретил девушку. Я думаю, что он был знаком с ней раньше. После службы он догнал ее, и они о чем-то говорили. Ссорились. Потом она ушла, и я увидел, что у Виталия снова всё плохо. Мы пытались говорить с ним, я и отец Диомид. Но он, похоже, замкнулся. Жил еще где-то месяц. А потом ушел, никому ничего не сказав. И после этого оказалось, что пропал на престольный крест. Серебряный, с позолотой и драгоценными камнями. Восемнадцатый век.

– В милицию заявляли?

– Нет. Этот крест в обитель принес сам настоятель. Купил где-то у антиквара. Давно, еще в советские времена. У нас он не числился, и архимандрит сказал, что это его вина. Не стал он заявлять. И знаешь, я порой думаю, что этот крест Виталия и сгубил.

– Ты думаешь, что его убили из-за креста? Чтобы ограбить?

– Кто знает, кто знает... Так или иначе, но он совершил очень большой грех.

– А эта девушка, как она выглядела?

– Точно не помню. Помню только, что у нее было много сережек в ухе. Как это теперь называется?

– Пирсинг.

– Да-да, он самый.

– Когда это было?

– В начале апреля.

Совсем недавно. Птица сбежал из монастыря незадолго до смерти. А до этого сбежал в монастырь от жизни. Или от Лены. Или от кого-то еще. Странное бегство. Виталик не верил в Бога. По крайней мере, в Христа. Однажды утром с похмелья мы забрели в развалины бывшей тюрьмы. Тогда я спросил, верит ли он. «Я недавно прочитал, что раньше у нас были другие боги. Солнце, гроза, земля. Наши. А потом пришли эти и крестили всех. Знаешь, зачем крестили? Чтобы сделать всех рабами. Они же так и говорят – раб божий. Были свободные люди, а стали рабочими. Лучше приносить телят в жертву богу, чем себя. Их Христос – ненастоящий. Настоящему Богу не нужны рабы. Человек и Бог должны быть свободны».

Меня передернуло. Это же было здесь. Где-то здесь, в кедрах, мы и сидели тогда, закручивая в газетные листки табак из вчерашних окурков. Господи, как давно это было! И так недавно... Страшно захотелось курить.

– А как ты думаешь, Виталик пришел к вам просто, чтобы скрыться? Или всё же...

– Не знаю, – Ваня печально покачал головой. – Когда только пришел, я не верил, что он может стать другим. А потом он стал ходить на службы. Я даже брал его прислуживать в алтарь. Это ведь не просто так.

Отец Георгий говорил всё более увлеченно, черты лица его как будто заострились, а глаза, казалось, видят что-то недоступное моему взгляду.

– Ты, наверно, не знаешь, но во время евхаристии, когда хлеб и вино пресуществляются в тело и кровь Спасителя, в храме, а особенно в алтаре, все, кто имеет хоть чуточку веры и знает, что происходит, ощущают благодать. Физически ощущают. И я, кажется, видел, что и Виталик ее чувствовал. И вот когда я это увидел, во мне родилась надежда на то, что он может спастись. Ведь это невозможно забыть. Это как...

– Наркотик? Ты думал, что Птица сменил одну зависимость на другую?

– Как ты можешь так говорить! Если не понимаешь, о чем я, лучше молчи.

Ну что же такое? Почему всё время вырывается то, о чем говорить нельзя? Глупо ставить под сомнение веру священника. В конце концов, зависимость от веры – не так уж и плохо. Лучше, чем от героина.

– Извини-извини. Можно я закурю?

Отец Георгий покрутил головой и даже, казалось, понюхал воздух, будто бы пытаясь учуять приближение настоятеля.

– Валяй. И мне дай тоже.

– Да не вопрос.

Зажигалка выплюнула столб огня на склоненные к ней сигареты.

– А что тебе еще Виталик рассказывал? Может, у него были какие-то проблемы кроме наркотиков? Какие-то враги?

– Насчет врагов не знаю, – отец Георгий затянулся, поморщился, отчего в речи возникла секундная пауза, и сдавленным голосом человека, подавившегося дымом, продолжил: – Мне иногда казалось, что у него все враги. А так он очень ругался насчет матери и отчима. Говорил, что они ждут его смерти, чтобы продать его квартиру.

– А кому он мог продать крест? Вы не выясняли? Не думаю, что в Тачанске много людей, способных купить такую вещь. В принципе, это нетрудно вычислить.

– Я же говорил, что архимандрит был против. А с настоятелем не спорят. Он сказал «нет» – значит «нет». Это как в армии. Приказы не обсуждают.

– Но ведь если бы вы сообщили об этом Пух... то есть в милицию, это помогло бы найти убийц!

– Ну вот ведь какой ты упрямый. Не надо об этом никуда сообщать, – Иван затушил окурок о ствол кедра, разрыл ямку в слое иголок и похоронил бычок. – Я же тебе говорил, что месть – это грех.

Священник замолчал, а я уловил новый запах, который вдруг сказал мне больше, чем все слова священника. Аромат

ладана и сигарет образовывал причудливую смесь – свято-сти, тайны и скрытого греха, смесь желаний наслаждений и жажды познания Бога. И мне вдруг показалось, что я понимаю отца Георгия.

– Видишь ли, у многих начинающих священников, и об этом даже говорят святые отцы, этому учат в семинарии, появляется такой соблазн. Они на исповеди получают право вязать и решить – допустить к причастию или нет, отпустить грехи или назначить епитимью. Опасность, соблазн такой власти очень велик. Начинает казаться, что ты можешь говорить от имени Бога, можешь сам решать, кто достоин хвалы, а кто наказания, кто рая, а кто геенны. Думаешь, что можешь влиять на события, забывая, что ты – лишь иглолка кедра в бескрайней тайге, где таких же, как ты, – бессчетное количество. И не тебе решать, какой иглолке расти, а какой опасть и превратиться в прах.

– Хорошо-хорошо. Я всё понял. Кстати, этот крест... У него есть какие-то особые приметы?

– Сложно сказать. Вообще-то неспециалисту трудно отличить. Хотя этот на самом деле необычный. По вертикали на нем семь красных камней, а по горизонтали четыре. Цвет камней – цвет крови Спасителя.

* * *

Мать шебуршала на кухне, а я стоял у окна и смотрел

вдаль. Из окна моей комнаты был виден кусок объездной дороги и поля за ней. Закат разделил пригорки и овраги на светлые и темные полосы. По дороге, натужным скрипом жалуюсь на подъем, ползла непонятно зачем забредшая в Тачанск тяжелая фура. Я подумал, что если я найду крест отца Диомида, он выведет меня на убийц. Конечно, это только догадка, Виталик и сам мог продать его перед смертью. Но чутье подсказывало, что кража распятия и гибель связаны друг с другом. Зачем Птица украл его?

Глава 6

Газета «Тачанский холм» стояла в киоске всего пять рублей, и бабушка-кассир долго, с причитаниями, собирала сдачу с пятисотки. Местные новости меня не интересовали, но прошлое взяло верх – я принялся изучать единственную городскую газету. На первой полосе, как водится, громоздился дурно сверстаный пантеон областных, районных и городских чиновников, запечатленных в своих кабинетах и на каких-то заседаниях. Судя по их скорбным лицам, районная казна и трубы водоканала трещали по швам, а конец света в Тачанске, по закону подлости, грозил наступить чуть раньше светлого капиталистического будущего. Читать тексты рядом с такими фото не хотелось. Всю вторую полосу редакция посвятила будням единственного муниципально-го детского лагеря «Березка» под заголовком «А зори здесь громкие...» Криминальная страница встречала материалом «Маку – бой» и перепечаткой сводки областного УВД. Далее шла телепрограмма, а потом и то, ради чего я листал плохо отпечатанные страницы «Холма», – частные объявления. О покупке предметов старины рутинно напоминал только один рекламодатель, базирующийся в частном доме на улице Заовинной.

Заовинная была маленькой улочкой, петлявшей по склону вдоль речки. Асфальт заменяла грунтовка, по краям ко-

торой жались к обрыву деревянные и кирпичные дома. Заборы тонули в черемуховых облаках, ветки хлестали борта моей машины, и в зеркало заднего вида был виден белый шлейф опавших лепестков. Чуть дальше, за заборами, шевелили листвой березы, и через дорогу то тут, то там переползали змеи их тянувшихся к реке корней. Машины, видимо, ездили тут нечасто.

Домик антиквара стоял на небольшой площадке над речкой. Построенный из красного кирпича с небольшими узорчатыми вставками, с петухом-флюгером на крыше, чугунными изогнутыми решетками на окнах, удивительно опрятный и даже какой-то сказочный, он был не похож на все остальные дома Заовинной. К хозяину такого дома еще до встречи испытываешь невольную симпатию. Оставив машину у калитки, пройдя по гравийной дорожке в обрамлении розовых кустов и обогнув небольшой бассейн-фонтанчик, я оказался перед деревянной дверью с коваными петлями. Звонок заменил свисавший из-под козырька шнурок. Я потянул за него, и откуда-то из глубины дома отозвался мелодичным звоном колокольчик. Ждать пришлось недолго.

– Вам кого? – отозвался немолодой высокий голос из переговорного устройства справа от двери.

– Мне нужен антиквар. Я тут проездом из Москвы, и мне хотелось бы приобрести какие-нибудь старинные вещи.

– Это ваша машина там на улице?

– Да, моя.

– Заходите.

Антиквар оказался маленьким лысеньким мужичком с добродушной улыбкой и цепким оценивающим взглядом. Одет он был в поношенные джинсы и жилетку и напоминал отставного конферансье. Дом был больше похож на музей – по одной стене были развешаны разного калибра колокольчики и даже маленькие колокола. В гостиной, куда я прошел из прихожей, стояла старинная фисгармония, рядом на антикварной мебели громоздился огромный граммофон рядом с древним утюгом. По стенам стояли и висели десятки часов – от огромных напольных до небольших часов-кукушек с миниатюрными гирьками в форме еловых шишек. Все часы показывали разное время и при этом шли, наполняя дом таинственным стрекотанием, которое прерывалось боем и выкриком механических птичек.

– Что именно вас интересует? Я, видите ли, больше коллекционер, практически музейный работник, нежели антиквар. Мой дом – это история Тачанска. Видите это кресло? Вы знаете, что в Тачанске проездом был Чехов? Он сидел на этом самом кресле. Естественно, такая вещь не продается. Это история! А вот эти колокольчики? Это ведь знаменитые валдайские колокольчики. Когда-то здесь была почтовая станция, когда трасса проходила через Алексеевскую слободу. Такие колокольчики висели на почтовых тройках. Вот послушайте (антиквар извлек откуда-то некое подобие тросточки и сыграл на развешанных у стены колокольчи-

ках «Подмосковные вечера»), – какое звучание! Эксклюзив! Секрет их изготовления безвозвратно утерян. А всё дело в том, что в каждый такой колокольчик добавлялось серебро. Сейчас каждый из них – бесценен. Вот-с. Ну, так что вас интересует?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.